

АЛЕКСА
АЛС

Я (НЕ) ПОКОРЮСЬ ТЕБЕ,
ДРАКОН!

Алекса Алс

Я не покорюсь тебе, дракон!

«Литнет»

2026

Алс А.

Я не покорюсь тебе, дракон! / А. Алс — «Литнет», 2026

Жениться на немой простолюдинке и обойти тем самым проклятие, а затем избавиться от жены - таким был план драконьего принца. Вот только все пошло не по плану... Я не собираюсь сдаваться и не покорюсь уготованной мне участи. Я всего лишь человек - так думали все, в том числе и я. Пока не вскрылась правда. первая неделя: проды каждый день, далее по графику понедельник - среда - пятница

© Алс А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
5	17
6	20
7	23
8	26
9	29
10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

1

— Мама, папа, к нашему поселению приближаются драконы! — моя младшая сестра Корниль, несмотря на свои тринадцать лет, уже успела насмотреться на ужасы, творимые драконьим племенем.

Проклятые поработители превратили жизнь людей в сплошной кошмар. Они сжигают целые поселения, едва обнаружив тех, кто способен сопротивляться. Их жестокость не знает границ. Ни мольбы, ни слёзы, ни возраст — ничто не смягчает их сердца.

Какая же цель их визита сюда? В нашем поселении всего-то десяток жилых дворов. Остальные жители давно покинули эти земли в поисках хоть подобия безопасности. Остались лишь старики и дети... Неужели и нас постигнет участь быть уничтоженными? За что?

От внезапно нахлынувшего бессилия я обхватываю руками горло. Как же хочется закричать! Выбежать во двор и высказать этим мерзавцам всё, что думаю о них! Но вместо крика — лишь глухой стон, застрявший в груди.

— Элизабет, что с тобой? Снова приступ? — мама подбегает ко мне и прижимает к себе, легко поглаживая по спине ладонями. — Всё хорошо... Всё обойдётся... Не нужно ворошить прошлое. Успокойся. Этот отряд не лучше и не хуже предыдущих. Остановятся на ночлег, а завтра сгинут прочь, проклятые.

Как же я надеюсь, что сегодня постоянным двором для них не послужит наш дом. Иначе я за себя не отвечаю! В голове мелькает безумная мысль. Интересно, а на кухне ещё осталась отравка для крыс? Это была бы та приправа к ужину, которой я щедро поделюсь с ними...

— Девочки, не выходите во двор! Лучше вообще никому этого не делать. Ты понял меня, Джер? — мама пристально смотрит на папу, который собирается выйти из дома, чтобы напоить и накормить нашу единственную козу и несколько куриц.

— Я не могу не выходить на улицу до их проклятого ухода! А если драконы задержатся на несколько дней? Наши единственные животные издохнут от голода и жажды! — отец лишь отмахивается от матери и, подхватив стоящее в углу ведро, выходит за дверь.

— Вот упрямец, он накликает на нас беду! — мама раздражённо и в то же время испуганно мечется из угла в угол, не зная, чем себя занять.

Я должна помочь отцу, чтобы он вернулся в дом быстрее. Выскакиваю за дверь прежде, чем мать успеет меня перехватить.

— Элизабет? Решила мне помочь? — папа протягивает мне ведро, чтобы я набрала воды для наших животных из колодца. — Вот, держи. Я займусь сеном и зерном. И будь осторожна, дочка, не попадись никому из них на глаза...

Мы оба знаем, о ком он говорит. И какой опасности подвергаемся сейчас. Хватаю ведро и, подхватив свободной рукой длинные юбки, бегом устремляюсь к колодцу, что находится прямо за забором.

Опасливо озираюсь по сторонам, но никого не вижу. словно ни одной живой души нет поблизости. Мне же лучше. Берусь за ручку и как можно быстрее кручу её, чтобы ведро на толстой цепи опустилось в воду. Почему-то именно сейчас ежедневное привычное действие кажется таким медленным, словно ползущая по дороге улитка.

— Симпатичная человечка, а? Как думаешь, брат? — мужской голос позади меня заставляет руки разжаться, и уже поднимаемое ведро с водой с грохотом летит вниз. С такой же скоростью и моё сердце уходит в пятки. Замираю на месте, боясь даже повернуться назад.

— Девка как девка! Что там может быть особенного? — ещё один насмешливый голос, явно принадлежащий молодому мужчине, присоединяется к первому.

— Не скажи, брат! Фигурка хороша! Посмотри, какая ладная! — неожиданно широкая мужская ладонь опускается на мой зад, отчего я подсакиваю на месте, едва не завалившись в колодец. В последний момент успеваю схватиться за края руками.

— Эй, стоять! Решила ускользнуть от нас, словно русалка? Не выйдет! — наглец хохочет во весь голос и, с силой ухватив за волосы, разворачивает к себе.

— Я же тебе говорю, Николас, смотри какая девка! Ещё и глаза большие, злющие! Словно это не мы, а она драконица и испепелить нас хочет! — держащий меня за волосы мужчина не ослабляет хватки.

На глаза наворачиваются слёзы боли и бессилия. Даже если бы я и смогла закричать, то не стала. Никто мне здесь не поможет. Никто. Мои родители так же запуганы, как и все здесь. А если отец посмеет сказать хоть слово против, то будет убит. Что ж, сама виновата, что так глупо попалась.

— Как тебя зовут? — второй дракон, которого зовут Николас, смотрит мне прямо в глаза. — Не молчи! Это неуважение. А наказывать за дерзость мы умеем, поверь.

«Не сомневаюсь! Это вы точно умеете, проклятые мерзавцы!» — мысленно кричу я, но вслух не произношу ни слова.

Гордо задираю подбородок вверх, насколько позволяет мне держащий за волосы захватчик, и плюю в него. Надеюсь, мой посыл достиг цели.

— Ах ты, негодница! Думаешь, мы будем шутки с тобой шутить? Говори своё имя, или я лично тебя в этот колодец скину! — теперь уже второй дракон с перекошенным от ярости лицом хватает меня за грудки, встряхивая как пустой мешок.

Первый, к моему великому облегчению, отпускает волосы, которые теперь свисают растрепанными прядями. Если, конечно, моё облегчение продлится долго – в чём я вовсе не уверена.

— Отпустите мою дочь, умоляю! — за двор выбегает отец, который так и не дождался меня с ведром воды. Молитвенно сложив руки перед собой, он падает на колени в грязь, низко склоняя голову. — Она не говорит. Я отвечу за неё. Пощадите!

— Я всего лишь хотел узнать, как её зовут, а молчание принял за дерзость, — дракон отпускает мою одежду из своего захвата, и я тут же отскакиваю от них как можно дальше.

— Её зовут Элизабет, господин, — отец даже головы не поднимает от земли при своих словах.

Неужели он вот так готов ползать перед ними до конца жизни на коленях? Не лучше ли встретить смерть с гордо поднятой головой?

Не собираюсь уподобляться отцу и задираю подбородок ещё выше, чем раньше. Это для них, конечно, покажется ещё большим вызовом, чем молчание, но не могу иначе.

— Элизабет значит... — негодяй вновь приближается ко мне и, схватив за подбородок, заставляет поворачивать голову из стороны в сторону. «Что же он меня как кобылу на ярмарке осматривает?!»

В голову закрадывается шальная мысль: а не плюнуть ли в него ещё раз? Теперь-то я точно достигну цели.

— Не советую тебе делать глупости, — дракон словно разгадал мои мысли, заглядывая прямо в глубину глаз. — Второй раз я такого не потерплю... И кто-то пострадает...

С ужасом понимаю, что только что могла совершить непоправимое. Моя дерзость не должна стать причиной гибели моей семьи. А эти чудовища никогда не обходятся полумерами.

— Ни-и-ик, да отпусти ты эту девку! Едем располагаться на ночлег, — второму уже явно надоела эта изрядно затянувшаяся сцена. — Нужно разбить лагерь до темноты.

— Подожди, Каир, я, кажется, уже нашёл, что искал... — от этих слов становится ещё страшнее, чем когда он тряс меня словно куль.

— Ты уверен? Хочешь взять из этого хлева, серьёзно? Давай поищем ещё. Я уверен, найдётся подходящая и в менее грязном месте. Неужели все людишки живут вот так? Фу! Мерзкие!

— Эй, человечиска, — мой пленитель обращается к отцу, который до сих пор так и не поднял головы, — завтра с утра она должна быть готова отбыть с нами. Отмыть и одеть! Собрать с собою несколько вещей в дорогу. И ещё, — тут он присаживается на корточки рядом с ним и цедит каждое слово, — если вы совершите какую-либо глупость, например, позволите ей сбежать, этой деревне не поздоровится. Всё ясно?

Нет! Это не может быть правдой! Зачем я им понадобилась?! Почему именно я? Это самый страшный сон в моей жизни!

2

— Да о чём ты говоришь, Джер? Отдать нашу с тобой дочь этим животным на потеху? Да зачем она вообще им сдалась? — моя мать сидит за грубо сколоченным столом, держась за голову от бессилия. На её щеках слёзы. — Почему именно наша семья должна пострадать? Неужели они не могли найти себе другую девуцу? Вон у старого Марка через три дома тоже есть дочь на выданье, и довольно миловидной внешности. Почему бы им не взять её?

— Ты хоть понимаешь, о чём сейчас говоришь? Может, хочешь сама сходить в их лагерь и предложить им замену, а? Не сходи с ума! Если они завтра не увезут с собой Элизабет, то уничтожат это поселение. Испепелят его в своей драконьей ипостаси. Разве тебе не жаль этих несчастных людей вокруг? Они все погибнут! — мой отец и так был на грани после той злополучной встречи у колодца, а сейчас словно и вовсе балансировал на краю безумия.

Они выглядят настолько несчастными и разбитыми, что, будь мой голос со мной, я бы их обязательно утетила. Но, увы, это невозможно. Могу лишь подойти к ним и положить руку на плечо в знак поддержки. Однако родители расценивают мой жест вовсе не так, как я задумывала.

— Ах, дорогая моя, мы этого не допустим! Что-нибудь обязательно придумаем! — мама вскакивает со своего места и крепко прижимает меня к себе, обхватив обеими руками.

Такие моменты нежности в нашем доме не часты. Тяжёлая жизнь в нищете и лишениях накладывает свой отпечаток. Минуты семейного единения становятся редкими и дорогими. В нашем быту нет места долгим объятиям и тёплым словам — каждый день отнимает силы на борьбу за выживание.

— Мы ничего не можем сделать, смились с этим, Натаниэль, — папа уходит в соседнюю комнату, чтобы в одиночестве налить себе крепкой настойки. Мои родители ежегодно готовят её из местного дикорастущего растения, именуемого у нас *тнели*. Это тот способ, который местные жители используют чаще всего для ухода от гнетущей реальности. Вот и мой отец не стал исключением. Даже сегодня.

— Мы можем покинуть поселение всей семьёй! Разве это не лучший вариант? — мама отпускает меня и идёт вслед за папой в соседнюю комнату. — Джер, давай просто сбежим с детьми.

— Ты как себе это представляешь, а? Глупая женщина! Бросим всё и сбежим? И хозяйство бросим тоже? Или ты предлагаешь везти всё с собой? Да нас поймут их караульные на следующий же день! — тут папа не выдерживает и швыряет недопитую глиняную кружку в стену. Остатки содержимого стекают по стене, а осколки разлетаются по комнате. — Мы не сможем сбежать все вместе, пойми ты это, наконец! А если предупредить остальных, то они первые свяжут нашу дочь по рукам и ногам, а потом отведут к драконьим шатрам. Неприятности здесь никому не нужны!

— Я тебя не узнаю! Ты ли это, муж мой? Остальные жители тебе дороже, чем собственная дочь? — мама пятится назад, словно и вправду не узнаёт нашего отца.

Нужно что-то делать. Я больше не могу смотреть, как родители ссорятся из-за того, что и так неизбежно случится. Стоит принять свою судьбу, какой бы она ни была. Очень надеюсь, что я им скоро наскучу, и мой конец в стане наших врагов окажется скорым, а не мучительным и долгим.

Выхожу на середину комнаты и звучно топаю по полу, привлекая к себе общее внимание родителей и сестры. Я сейчас решительна, как никогда, и показываю это не только взглядом, но и высоко вздёрнутым подбородком. Бью одной ладонью себя в грудь, указывая на дверь, а затем изображаю на руке проклятых драконов. Они должны меня понять. Им придётся это сделать, в конце концов.

— Доченька, что ты хотела этим до нас донести? — мама идёт ко мне и готова опять заключить в объятия. Это будет её второе проявление нежности за один вечер. Немыслимо.

— Она явно дала понять, что готова уйти с ними, — отец выходит вслед за матерью и пристально смотрит мне прямо в глаза. — Я ведь правильно тебя понял, дочь?

Уверенно киваю, хоть и чувствую, будто самостоятельно готовлюсь к собственной казни. Драконы не щадят людей. Они их убивают. Считают мусором под своими ногами. Так чем же отношение ко мне должно быть лучше?

Там, у колодца... Ни один из этих двоих так и не проговорился насчёт того, зачем я им понадобилась. Но выглядел их разговор так, будто они искали кого-то подходящего. Вот только для чего? Это пока остаётся загадкой. Да и вообще, возможно, я неправильно всё поняла и просто приглянулась одному из них в качестве обычного трофея. В таком случае моя участь незавидна.

— В таком случае будь готова ко всему, Элизабет. И прости, что мы ничем не можем тебе помочь, — отец быстро проводит натруженной мозолистой рукой по лицу, чтобы скрыть своё состояние.

Не буду их больше смущать. Им и так нелегко осознавать то, что придётся сделать в итоге.

Выхожу из дома и опускаюсь на крыльцо рядом с сидящей на нём моей младшей сестрой Корниль. Это последняя ночь, когда мы можем побыть вместе.

— Я всё слышала. Родители так громко кричали и спорили... Значит, ты всё-таки согласилась? — сестрёнка смотрит на меня такими большими, не верящими глазами, что велик соблазн соврать. Но я лишь повторяю то, что донесла и до родителей. И это мой выбор. Я должна уберечь живущих здесь людей от неминуемой расправы.

— Невероятно! Но это... Ведь практически то же самое, что и умереть! Попасть в лапы этим нелюдям с золотистыми глазами и выжить — сродни чуду!

Да. Мне и самой страшно, только выбора нет. Вымученно ей улыбаюсь и тяну за собой в дом. Пора начать собирать вещи.

Через полчаса всё собрано и связано в небольшой узелок. Много вещей брать смысла нет. Я и вовсе не знаю, что со мной будет дальше и как эти драконы распорядятся моей судьбой.

Ужин проходит в мрачной и гнетущей обстановке. Все мы, так или иначе, стараемся делать вид, будто ничего не происходит. Это мой последний ужин с семьёй. Стараюсь запомнить их лица. Мрачный и не по годам состарившийся отец. Мать, на лице которой лишения оставили глубокие морщины. Моя сестричка Корниль — весёлая и солнечная, словно лучик света в беспросветной тьме.

После ужина вместе с сестрой помогаем матери убрать со стола, а затем уходим в свою комнату, чтобы подготовиться ко сну.

— Вот, — с этими словами мама вместе с большой лоханью врывается в нашу комнату и ставит её на пол посередине. — Эти драконы приказали отмыть тебя начисто. Не стоит перечить им в таких мелочах.

И действительно. Так хочется понежиться в горячей воде, не думая ни о чём. Утвердительно киваю, а затем мы все вместе натаскиваем в лохань горячей воды. Достая из сундука небольшой кусок дорогого мыла, что мы используем крайне редко и по особым случаям. И этот случай точно особый.

Горячая вода обволакивает моё тело, даря покой и умиротворение. В воздухе витает аромат лаванды и шалфея. Как же мне хорошо сейчас... и как же не хочется наступления завтрашнего дня. Возможно ли то, что они просто обо мне забудут? Я ведь просто человечка, для них абсолютно никто.

— Ну всё, Элизабет, вылезай! Иначе совсем кожа сморщится! — Корниль хохочет рядом со мной и помогает ополоснуться от пены чистой водой. — Мама сказала, что я могу принять ванну после тебя.

С улыбкой покидаю свой личный уголок спокойствия и покрываюсь мурашками от прохлады, что царит в комнате.

С сестрой мы ещё долго дурачимся, пока мама не входит вновь в нашу комнату и не заставляет убрать весь этот беспорядок за собой. Рутинные дела приносят мне успокоение, отвлекая от мыслей о будущем.

Ночью мне снился дракон. Огромный и величественный. Он обещал уничтожить всех вокруг, сжигая их в пламени, если я не покорюсь ему. Его золотые глаза сверкали в темноте, а голос звучал как раскаты далёкого грома: «Ты – ключ. Ты – начало. Ты должна подчиниться».

Я пыталась кричать, но звук тонул в гулком рёве пламени. Пыталась бежать, но ноги словно приросли к земле. В этом сне я чувствовала не только страх, но и странное притяжение – будто часть меня уже принадлежала ему.

Проснулась я в холодном поту, сжимая край одеяла. За окном едва брезжил рассвет. Корниль мирно спала рядом, а мама тихо посапывала на соседней кровати.

«Это всего лишь сон», — подумала я, но в глубине души понимала, что он предзнаменование.

Вот настало утро, и мой ночной кошмар стал явью.

— Выведите немую девицу на двор, да поскорее! Мы не будем ждать!

Этот голос, что преследовал меня сегодня во сне, доносится совсем рядом. Сердце ускоряет свой бег. Вот она – моя судьба, уже на пороге. Стоит только выйти ей навстречу.

3

Вот и все. Нет времени даже на то, чтобы осознать нахлынувшую на меня новую реальность. Поспешно одеваюсь и хватаю собранный с вечера сверток. Корниль просыпается от звуков во дворе и широко распахивает глаза от испуга.

— Это они, да? – вырывается ее тихий шепот. Отвечаю ей утвердительным кивком.

Сестренка вскакивает с постели и бросается в объятья, орошая мое скромное льняное платье слезами.

— Прости нас за то, что не можем помешать им забрать тебя! Пожалуйста, помни обо мне. Я тоже никогда тебя не забуду, — Корниль сует мне в руки небольшую соломенную куклу, одетую в лоскутки ткани. Отправляю ее в свой вещевой сверток, сама еле сдерживая слезы. Это тяжело, но нам пора расставаться. Драконы долго ждать не будут.

С тяжелым сердцем отрываю ее руки от себя и выхожу из комнаты. Перед входной дверью стоят отец и мать с посеревшими лицами и вдруг будто за одну ночь еще больше постаревшие.

Молча обнимаемся на прощание. Все, что хотели, они сказали мне еще вчера. А я даже рада сейчас своей немоте.... Так легче прощаться с прошлым.

Выхожу со свертком во двор. Несколько десятков вооруженных солдат с длинным обозом ждут поодаль. Меня встречает тот, кого зовут Николасом. Тот, кому я плюнула в лицо и сумела выжить. Удивительно. Обычно они не прощают тщедушным и ничтожным, по и их мнению, людишкам такие промахи. Или может мое наказание еще впереди, кто знает.

— А вот и ты.... Не растеряла еще свою храбрость, а? – дракон выхватывает из ножен меч и приставляет его кончик прямо к моей шее. Не хочу показывать ему свой страх, но он все же слышит на расстоянии мое ухающее от потрясения сердце и в его нечеловеческих глазах загораются золотые искры.

— Пожалуйста, не убивайте ее! – на порог выбегает моя сестра вся в слезах и бросается этому негодяю в ноги. От бессилия закрываю глаза. Корниль! Что же ты творишь? Почему родители не смогли удержать тебя в доме?

— Какая славная девчушка! Николас, может, и ее прихватим с собой? Она совсем не похожа на этих забитых людишек! Ты посмотри какая! Отважная словно драконица!

Во двор входит второй уже знакомый мне нелюдь, что так сильно схватил меня вчера за волосы. Мерзавец! Да они могут меня убить на месте, но пока я жива, они до моей сестрички не доберутся!

Бросаю сверток на землю и с кулаками бросаюсь на этого наглеца. Они оба не ожидали от меня подобного. Успеваю даже схватить второго за отвороты плаща и хорошенько встряхнуть. Видно это страх придал мне сил, не иначе.

— Ах ты дрянь, я убью тебя! Как ты посмела на меня наброситься, грязное человеческое ничтожество! – второй дракон выхватывает меч из ножен и уже готов замахнуться на меня, но тот, которого зовут Николас, останавливает его, перехватывая запястье.

— Не трогай ее, Каир! Ты ведь знаешь, что она мне нужна! Мы так долго искали подходящую, а ты хочешь все испортить? Она просто защищает сестру. Если бы ты не лез со своими предложениями, то ничего бы не случилось, — весь его вид мрачен и сосредоточен. Но вроде он не хочет меня убивать. По крайней мере, сейчас.

— А вчера, когда она показала тебе свое неповиновение у колодца и открыто плюнула в лицо, она тоже защищала сестру? – ироничный голос Каира тих, словно он не стремится, чтобы об этом происшествии узнал кто-то еще из стоящих у обоза солдат, — а, может, она просто дерзкая и невоспитанная человеческая дикарка? Как ты собираешься справляться с ней? Еще пара таких выходок и она опозорит тебя перед твоими солдатами. И что тогда? Ее нужно будет убить и искать ей замену.

— Я обуздаю ее, Каир, будь спокоен. Она просто девчонка. Слабая человечка. Ей придется так или иначе покориться моей воле, — Николас убирает меч и хватает свободной горячей рукой меня за горло, — ты ведь будешь слушаться? Если нет, то тебе же хуже. Поклянись, что никогда не вытворишь того, что было вчера у колодца и твоя сестра вернется в дом, я обещаю.

Две горячие слезы стекают по моим щекам. Я киваю в знак согласия, насколько это позволяет сделать его захват.

— Вот и умница... — а этот Николай явно доволен тем, что я больше не пытаюсь сопротивляться, — теперь ты пойдешь с нами. А ты, девочка, беги в дом. Иначе мой брат Каир возьмет тебя себе в служанки.

Словно в подкрепление его слов Каир нарочито рычит и тянет руки к сестре. К моему облегчению, сидящая до этого на земле как застывшая статуя, Корниль с визгом бросается в дом.

— Брат, возьми сверток, а я отведу девчонку в обоз, — Николас хватается за мою руку и тащит за собой словно бессловесное животное. Да он даже представиться мне не пожелал. Его имя и имя его брата я знаю лишь потому, что случайно услышала их в разговоре.

— Вот это красотку наш господин ведет, ты посмотри... — эти шепоты раздаются, кажется со всех сторон.

Меня словно облепляют их взгляды, брошенные исподтишка. А самое страшное, что я до сих пор не знаю, зачем нужна им. И открыто спросить не могу. Но с уверенностью можно сказать только одно. Не стоит ждать ничего хорошего. Ведь я не с рождения нема... Я потеряла голос по их вине, когда стала невольной свидетельницей уничтожения целого поселения, что подобные им чудовища выжгли дотла в назидание сопротивленцам драконьим захватчикам.

Мои родители тогда отсутствовали, уйдя в леса в поисках пищи для нас, а Корниль и вовсе не было на свете. Да и мне тогда было всего шесть лет, но хватило смекалки найти укрытие не в поселении, а на опушке леса. Но я помню, помню то, что никому не стоит знать. Все эти ужасы расправы остались в моей памяти, делая мое нахождение рядом с этими нелюдями сейчас противным до дрожи.

— Будешь находиться здесь, и не смей высовываться, мои солдаты давно в пути, а ты достаточно лакомый кусочек, — с этими словами, что приводят в дикий ужас, дракон вталкивает меня в крытую кибитку, полную каких-то свертков и горшков и другой кухонной утвари, — ты поняла меня?

Киваю как можно убедительней. Сегодня я действительно не сделаю отсюда ни шага, но вот потом, когда мы отъедем на достаточное расстояние от дома моей семьи и минует угроза того, что они могут вернуться и всех уничтожить, я сбегу.

— Мы весь день будем находиться в пути. Вечером я заберу тебя на ночлег в свой шатер. И вот, держи свой сверток, — тут он забрасывает мне в кибитку мои вещи и уже собирается уходить прочь, но вдруг оборачивается, словно задумавшись о чем-то, — меня зовут Николас. Хотя впрочем, ты и сама уже должно быть поняла это, Элизабет.

Он помнит мое имя. Для него я не просто безликая человечка. Хорошо это или плохо, понять трудно. Покажет лишь время.

Нахожу себе немного свободного места среди свертков и кухонной утвари. Монотонное движение повозки постепенно начинает укачивать, призывая отбыть в мир сновидений. Проходит не менее пары часов, прежде, чем я перестаю шарахаться от каждого шороха и незаметно для самой себя засыпаю.

— Остановка на десять минут! — этот резкий выкрик, сопровождаемый горном, вырывает меня из сонного забытья, живо напоминая, где я теперь нахожусь.

Как же хочется облегчиться. С самого утра у меня не было возможности уединиться. Придется все же высунуть нос из повозки и разузнать, что происходит снаружи.

Как можно осторожнее выглядываю и вижу, что рядом никого нет. Убежать я, конечно, не рискну. Мы все еще слишком близко находимся к моему дому. Но вот уединиться в ближайшем кустарнике так, чтобы никто и не заметил, вполне возможно.

Осторожно выбираюсь и пригнувшись к земле, пробираюсь в ближайшие кусты. Вылазка удалась. Возвращаюсь назад тем же путем, когда на пути мне встречаются двое солдат из отряда.

— Ты что, птичка, упорхнуть решила? Так мы тебе покажем, чем это чревато.... — их наглые ухмылки не оставляют сомнений, что я попала в западню.

Не успеваю дернуться, как рука одного из них затыкает мне рот.

4

— Ты слышал? Господин говорил, что эта девка немая, — один из высмотревших меня солдат ухмыляется и толкает второго в бок, — даже заорать не сможет. Давай ее в кусты оттащим, а? Давно такой ладной молодухи не попадалось. Мы уже несколько месяцев объезжаем территорию империи. Хоть бы кто сказал, зачем!

Проклятые драконы! Ненавижу! Убийцы и насильники! Почему им так необходимо самоутверждаться за счет слабых?

— Ты ума лишился? А если господин об этом узнает? Вдруг она не порченная? Я не хочу болтаться на виселице из-за зуда в штанах, — второй солдат явно не в восторге от идеи приятеля. Может мне удастся улизнуть?

— И как он это узнает, коли так? Может она такая уже была? Изначально порчена? Она ведь человечка. А люди алчны и порочны. И у нас есть огромное преимущество, ты подумай об этом. ... Она не-ма-я! И сказать ничего никому не сможет! Даже если нас застукают, скажем, что она сама этого хотела. Вот и вылезла из повозки, послушавшись приказа господина.

Первый солдат с бегающими похотливыми глазами уже мысленно снимает с меня простое льняное платье, я практически кожей чувствую этот липкий взгляд. Проклятые животные! Только бы не показать им свой страх, иначе их это только раззадорит.

— Ладно, уговорил, — к моему ужасу второй солдат нехотя соглашается с первым, — лови ее, пока никто не видит.

Оба солдата воровато осматриваются по сторонам, но нас из этой части составленных на отдых повозок не видно остальным. Хотя я и не думаю, что-то из них помог бы мне. Скорее всего, это привлекло бы еще больше желающих извлекать меня в грязи. Во всех смыслах.

Драконы расходятся в стороны и теперь наступают на меня, загоняя в тень густого кустарника как какую-нибудь дичь. Горло сдавливает спазмом. Обхватываю его руками, силясь закричать, но не могу.

Ну почему же в моей жизни все так несправедливо? Я потеряла голос из-за этих беспощадных животных, а теперь потеряю и честь. Лучше бы принять смерть как можно скорее, чем оставаться пленницей этих жестоких нелюдей.

— Хватай ее, Кирнан! — один из насильников неожиданно резко подается вперед и хватается за руку, сильно сжимая запястье, и дергает на себя.

Другой подкрадывается сзади и обхватывает за талию рукой, второй зачем-то затыкая мне рот. Решили перестраховаться, негодяи!

Упираюсь изо всех сил, но они не равны. Мне бы даже с человеческими мужчинами справиться в одиночку не удалось, а с этими... и вовсе тягаться бессмысленно.

Оттащив меня на несколько метров вглубь кустов, они бросают меня на землю. Упираясь пятками в землю, отползаю как можно дальше от них. Глаза застилают слезы бессилия. Кажется, их только забавляет мое сопротивление. Словно они устроили на меня охоту.

— Ну что, человечка? Может, сама разденешься? Или порвать твоё тряпье? Выйдешь отсюда голой, может, еще приключений найдешь, — первый дракон вдруг начинает мерзко хохотать, попутно скидывая с себя одежду.

— Слышь, Виктор, она вроде хочет пожестче. Даже не отреагировала на твою просьбу, — теперь и второй сомневающийся солдат раззадорился при виде легкой добычи. Глаза обоих горят золотом, выдавая их крайнее возбуждение.

— Ну, тогда это ее выбор, так ведь? Мы честно предложили оставить ей ее тряпье целым. Не хочет так не хочет, — первый солдат бросается на меня и разрывает лиф платья до самого пупка, оголяя грудь. Беззвучно давлюсь слезами, не в силах им помешать, — да не ерепенься ты! Нас всего двое.

Второй присоединяется к первому и пытается задрать мои юбки. Изворачиваюсь и ловко бью босой ногой прямо ему в глаз. Получи мерзавец!

— Какая бойкая попалась! Люблю таких! Вот только не люблю, когда в глаз бьют! – дракон замахивается и отвешивает мне звонкую пощечину. На несколько секунд теряю ориентацию в пространстве. Скула болит нещадно, будто по ней кувалдой попали.

— Что здесь происходит?! – зычный разъяренный окрик моего пленителя раздается неподалеку, и как по волшебству удерживающие в своих стальных тисках руки исчезают с моего почти обнаженного тела.

Давясь слезами, стягиваю остатки лифа на груди и сжимаюсь в трясущийся комок, опуская лицо вниз.

— Вы успели ее обесчестить? – снова раздается этот грозный голос, переходящий в утробный рык, — она нужна мне не порченной!

— Да она сама нас сюда заманила! Виктор, подтверди! Вылезла из повозки, куда Вы, господин, ее посадили, и зазывно поманила рукой! Она гуляющая, это сразу видно!

— Это правда?! Отвечай, девка, когда с тобой говорят!

Поднимаю свое заплаканное лицо с коленей и смотрю прямо в его жестокие горящие золотом глаза. Он не помнит, что я не могу ему ответить?

Начинаю быстро-быстро мотать головой из стороны в сторону, выражая свое несогласие с этим обвинением. Дракон вдруг бьет себя ладонью по лбу, словно только что понял, какую оплошность допустил.

— Ты ведь немая, как я мог забыть, — он вдруг резко направляется ко мне и, схватив, словно бездушный мешок, закидывает себе на плечо.

В этом положении я не могу удерживать разорванный лиф, его остатки расходятся в стороны, позоря меня еще больше, чем минутой ранее, ведь этот дракон несет меня так через весь свой лагерь, нисколько не заботясь, как меня видят остальные.

Множество мужских глаз со всех сторон смотрят на меня со слабо скрываемым вождением, пока он не втаскивает меня в большой шатер и не бросает у своих ног, словно ненужную вещь. Только вот я ему нужна зачем-то... И то, что он не говорит прямо «зачем», пугает до икоты.

— Будешь находиться в моем шатре. Попробуешь снова высунуть нос без спроса, получишь плетей. А чтобы у тебя не было такого соблазна... лучше вовсе оставить тебя без одежды!

Дракон рывком поднимает меня с пола, куда несколько секунд назад и бросил. Ставит перед собой и одним движением разрывает остатки платья напололам, бросая куски ткани в костер. От страха и окружающей меня в шатре прохлады трясусь как лист на ветру.

— Теперь ты точно никуда не рыпнешься! Выйти голой к целому полку солдат ни одна девка не отважится. Даже драконица. А ты всего лишь человечка, — последнюю фразу он словно выплевывает, смотря на меня при этом с презрением, — иди к моей постели!

Больше не говоря ни слова, он толкает меня в плечи, неумолимо приближая к своему ложу, застеленному шкурами и дорогими шелками.

Сердце от ужаса бьется в груди сродни пойманной в силки птице. Животное! Он не спасал меня от тех солдат, просто хотел быть первым!

Перестав прикрываться от его взгляда руками, упираюсь ими негодая прямо в грудь, чем вызываю в нем лишь поддразнивающий смех.

— Думаешь, сможешь со мной побороться? Так сильна, а? Или так глупа? Возможно, хочешь повторить свой подвиг у колодца? – дракон не отрывает от моего лица заинтересованного золотистого взгляда, но вдруг опускает его ниже, разглядывая мою наготу. Если бы можно было сгореть от стыда, я бы уже сделала это, — или не рискнешь?

От ужаса, что пришлось пережить в течение последнего часа, у меня уже давно пересохло горло. Иначе его непременно бы ждал очередной плевок в лицо. Собрав остатки самообладания, задираю подбородок выше. Погибать так с достоинством.

— А ты храбрая. Можно сказать, что у тебя есть сердце дракона, не будь ты простой человечкой....

Дракон делает ко мне последний шаг и одним толчком опрокидывает на свою постель. Снова невольно сжимаюсь, закрывая руками лицо и ожидая навязанных силой прикосновений жестоких рук к своему телу.

— Не вздумай меня послушаться, я скоро вернусь! – с этими словами он накидывает на меня одно из своих шелковых покрывал и резко разворачивается к выходу, — здесь правила диктую я. А ты обязана им следовать.

Дракон покидает шатер, а я хватаю накинутое на меня покрывало и заматываюсь в него, насколько это возможно. Что же ты от меня хочешь на самом деле?!

5

Заматываюсь в шелковое покрывало и быстро сползаю с постели, как только за драконом задерживается полог шатра. Теперь я даже убежать отсюда не смогу, в этом он прав.

Отхожу в противоположную от постели сторону шатра и сажусь прямо на землю у тряпичной стены. Разрезать бы ее и скрыться.... Но я все еще помню, чем окончилась моя последняя вылазка из повозки этих чудовищ.

Возле шатра раздаются шаги. Сердце замирает от страха. Если это снова те солдаты решили закончить начатое?

— Ник, ты уже успел усмирить свою дикарку? — смех того, второго дракона, что был с моим пленителем возле колодца, раздается возле входа в шатер, — или это могу сделать я, если ты не против? Я люблю строптивых девок, ты ведь знаешь.

— Каир, она мне еще нужна, а ты сломаешь ее в первые же сутки. Зачем мне безвольная кукла, что будет реветь дни напролет? Это не имеет смысла. Да и она теперь исключительно моя собственность. Так что не зарься на чужое, понял меня? — Николас, тот, кто возомнил себя моим господином, а меня своей собственностью, отдергивает полог шатра и оба мужчины проходят внутрь.

Невольно сжимаюсь и стараюсь быть как можно более незаметной, хоть и понимаю, что это изначально обречено на провал. Они могут сделать со мной все, что угодно. И никто меня здесь не защитит.

— Да понял, понял, брат. Подожду, пока она тебе надоест. Мне не сложно, — Каир проходит вперед и садится на невысокий стул, что стоит возле походного складного столика. Николас же занимает противоположное место.

— Пригласим человечку за стол? Она могла бы скрасить нам прием пищи своим невежеством. Людишки в этих нищих поселениях такие неграмотные и дикие, что даже не знают, как пользоваться столовыми приборами. Ты представляешь?

— Я уверен, что уж ложкой владеть они умеют. А светскому этикету там никого не учат, да и некому и незачем. Зачем тебе это? Что интересного в том, чтобы любоваться чужим позором?

— Не любоваться позором, а усмирять. Понимаешь это? Через такие мелкие, казалось бы, вещи ты показываешь им, что они никто! Пыль под ногами! Никто не может гордиться собой и задирать перед тобой как господином нос, если даже таким мелочам приходится их учить, — Каир выглядит довольным собой. Ненавижу! Нелюдь с животной сутью!

— Я так понимаю, именно поэтому наш отец загнал людей в такие условия, да? Чтобы не смели нос задирать?

— Ну, конечно. А ты разве этого еще не понял? Мы сильны, но их больше. Если они почувствуют власть, то нам придется долго загонять их обратно под драконий гнет.

— Господа, Ваш ужин готов, — в шатер входит высокий мужчина и вносит огромный разнос, заставленный множеством тарелок, — приятного аппетита!

— За что я люблю нашего старого повара Бэнти, так это за то, что он знает, как сильно я люблю лишь слегка обжаренное мясо. Оно выходит у него просто вкуснейшим, — Каир накладывает еду себе на тарелку и с удовольствием принимается за еду.

— Нужно что-то девчонке выделить, ты так не считаешь? — Николас берет одну из тарелок и направляется прямо ко мне, — держи, иначе свалишься без сил.

Его раздражает тот факт, что во мне нет стремления принять с благодарностью его подачку. Еще сильнее заворачиваюсь в покрывало, обеими руками вцепившись в края шелка.

— Быстро взяла, я кому сказал?! — с утробным рыком он дергает покрывало на мне и частично оголяет грудь. Взгляд на несколько секунд замирает на моем теле, но потом дракон хватается за запястье, насильно выворачивая руку ладонью вверх, и заставляет взять тарелку.

— Она вообще понимает, о чем ты ей говоришь, а, брат? У меня складывается ощущение, что она просто не в своем уме. А если это так, то твой план обернется полным крахом, — Каир поднимает высокий кубок с вином и делает большой глоток, — может, все же уступишь мне ее? Тебе поищем новую. Вдруг умнее окажется?

О каких планах они все время говорят? Что им от меня нужно? Почему просто не убьют, продолжая мучить? А может, все ужасы для меня еще впереди. А это лишь затишье перед бурей. Драконы жестоки и расчетливы. И если я еще жива и цела, значит, у них есть свой интерес в этом. Что ж, я разрушу ваши планы! Никакой пищи и ни капли воды. Пройдет не больше недели, прежде чем мое истощенное тело покинет дух.

— Меня устраивает эта. А всему, что она должна знать, я ее обучу. Даже если ей придется находиться для этого на грани смерти, — от жестокого взгляда Николаса по позвоночнику пробегает холодная волна страха, — никто не может сопротивляться своей судьбе вечно. Даже эта упрямец!

Считаешь, что не смогу сопротивляться? Поднимаюсь на ноги и, собрав всю свою отвагу в кулак, швыряю предложенную мне чашку на пол.

— Ах, ты человеческая дрянь! Перечить мне решила?! Думаешь, за подобное тебе ничего не будет, да? — Николас за доли секунды оказывается возле меня и больно хватается за волосы, — ты будешь подчиняться! Иначе я не ручаюсь за целостность твоей кожи. Для моих целей ты подойдешь и с исполосованной спиной!

Еще раз осмотрев меня с ног до головы презрительным взглядом, он отшвыривает меня от себя, отпустив наконец-то мои локоны из своего захвата.

— Такое нельзя оставлять безнаказанным, Николас. Если ты сейчас смягчишься, то она поймет, что так можно поступать и впредь, — Каир с заинтересованным видом наблюдает за разворачивающимся на его глазах противостоянием.

— И что ты предлагаешь? Выпороть ее прямо сейчас? А потом лечить весь оставшийся до столицы путь? Это не выход, — Николас со злостью хватается со стола кубок с вином и опустошает его одним глотком, швыряя его затем в сторону.

— Тогда, брат, она сведет тебя с ума! Но мне уже пора, так что я покидаю это поле битвы. Представление вышло довольно занимательным, Николас, — брат моего пленителя покидает шатер.

Мы остаемся наедине. Что еще может взбрести в голову этого животного? Попытается накормить меня силой?

— Ты будешь есть? — рычит он, но я упрямо мотаю головой из стороны в сторону, а затем задираю голову выше вверх. Они считают нас забитыми существами? Я покажу им, что это не так!

— Тогда я знаю, как заставить тебя повиноваться и без плетей.... — его тихий зазывный голос пугает еще сильнее, чем разъярённый рык, — так обычно поступают с ценными рабынями, чтобы не портить их товарный вид, но видно к тебе применимы те же методы! Хоть ты и должна понимать, что делаешь себе только хуже.

Подойдя ко мне ближе, он хватается за покрывало и стаскивает его, откидывая в сторону так далеко, чтобы я не могла дотянуться. Нет! Нет! Только не так! Не сейчас!

Обхватываю себя руками и сдерживаю слезы из последних сил. Он решил получить свое немедленно. Мое время пришло....

Вновь схватив в охапку мои растрепанные волосы, дракон тащит к постели, а затем садится на самый ее край, опрокидывая мое тело к себе на колени так, что я оказываюсь лежащей на них, оголенным задом вверх.

— Еще раз посмеешь перечить мне, получишь наказание вдвое больней и унижительней, понимаешь меня? — он наклоняется к самому моему уху, опаливая его жарким дыханием, — все могло бы быть по-другому, будь ты поговорчивей.

Тяжелая широкая рука со всей силы опускается на мою ягодицу и обжигает болью. В ответ я вцепляюсь зубами в его бедро со всех сил, вызвав в нем удивленный вздох. Не ожидал моего сопротивления?

Но он не пытается разжать мне зубы, а лишь методично наносит удары. Кажется, я уже потеряла им счет, когда все вдруг прекратилось. Вместо болезненного шлепка, он проводит рукой по моей спине и медленно движется вниз. Я не вынесу этого.

Оторвав от его бедра свое заплаканное лицо, изворачиваюсь и смотрю прямо ему в горящие золотом глаза. Что он видит в этот момент во мне? Мольбу о пощаде?

— Ладно, на сегодня наказание закончено. Еще подобное сотворишь, будет хуже, — дракон спихивает меня с коленей и швыряет шелковое покрывало обратно, — завернись, спать пора!

Обхватив своими сильными руками, он толкает меня на постель, а сам же ложится рядом. Пытаюсь отодвинуться как можно дальше, но он не дает этого сделать, с силой притягивает к себе.

Мысленно молю высшие силы о спасении. Через пару дней мы будем достаточно далеко от моего дома. Стоит подумать о побеге, пока не поздно.

6

— Ты покоришься мне! Это неизбежно. Перестань бороться или умри! — Николас держит меня за волосы, а второй в это время замахивается мечом.

— Нет! Никогда! Проклятый дракон, я ненавижу тебя, убийца! — кричу это прямо ему в лицо, что вдруг начинает меняться, трансформироваться в драконий оскал. Я даже чувствую жар, что исходит от его груди, из того места, где зарождается драконье пламя.

— Убить тебя мечом слишком просто, я разорву когтями твое тщедушное тело, человечка! — рычит этот огромный зверь и тянет ко мне свои когтистые лапы.

Резко замигаю в ожидании неминуемой агонии и вдруг неожиданно... просыпаюсь.

Это всего лишь сон. Но такой реалистичный в то же время, будто предсказывает мне мое бесславное будущее. Скрыться от него и его гнева будет сложно. Даже сейчас, когда он прижимает к себе мое трясущееся после кошмара тело.

Его рука на мне, что причиняла страдание во сне, а сейчас расслабленно покоилась чуть ниже моей груди, вдруг приходит в движение. За ночь покрывало, в которое я была завернута, сползло ниже, и теперь он без труда может добраться до моей оголенной кожи, если конечно захочет.

— Тебе снился плохой сон, да? Ты так дрожишь.... — тут дракон ведет рукой вверх и резко дернув покрывало вниз, оголяет грудь. Стараюсь не шевелиться, даже не дышать. Но сердце все равно бешено стучит в груди, словно пытается пробить грудную клетку насквозь, — какая мягкая у тебя кожа, человечка. Так приятно ощущать тебя в своих руках.... А соски... цвета бледной розы, — дракон уже с гораздо большим энтузиазмом начинает ощупывать ее, чем минуту назад.

Если я оттолкну его, мой сон сбудется? Лучше бы это было так! Хватаюсь обеими руками за его ладонь и сбрасываю с себя, вместе с этим делаю попытку откатиться от своего пленителя как можно дальше.

— А ты строптивая! Мне нравится, — дракон позволяет мне вывернуться и даже, о чудо! схватить покрывало и завернуться в него вновь, скрывшись от его горящих золотом глаз, — сегодня мы будем проезжать одну из человеческих деревень. Даже не вздумай попытаться бежать, поняла? Я все время буду наблюдать за тобой.

Николас встает и нехотя покидает шатер, бросая на меня последний горящий желанием взгляд. Я не понимаю его. Абсолютно. Я в полной его власти, но он все еще не перешел черту, хоть и по глазам вижу, что хочет. Это как-то связано с тем, зачем я ему понадобилась?

И о чем я только думаю? Не перешел и отлично. У меня все еще есть шанс убежать от него нетронутой, но сделать это нужно как можно скорее, иначе в любой момент его желание может перевесить все доводы рассудка и причины, почему он еще так не поступил.

Дракон возвращается в шатер и видит меня, как и вчера сидящей на полу в противоположной от постели стороне. Наблюдаю за ним настороженным взглядом. Я не знаю, как смогу выдержать этот путь неизвестно куда, без возможности говорить. Элементарно сообщить о своих низменных потребностях, к примеру.

— Ты ведь со вчерашнего вечера шатер не покидала, — тут он прожигает меня внимательным взглядом и усмехается, заметив, как пытаюсь терпеть естественные позывы из всех сил, — что ж, пришло время тебя выгулять. Идем за мной.

Выгулять?! Да как он смеет со мной словно с уличной дворнягой обращаться?! И в чем я, по его мнению, должна идти?! В этом уже изрядно потрепанном покрывале?

Как же хочется ему все в лицо высказать! Но, увы, не могу. Проклятый голос, как же ты мне сейчас нужен!

Дракон поворачивается ко мне спиной и направляется к выходу из шатра в полной уверенности, что я последую за ним. Только вот я не собираюсь этого делать в таком виде. Но чтобы сообщить ему об этом моем решении, нужно привлечь драконье внимание, хоть и очень страшно это делать.

Догоняю его со спины и хлопаю ладонью по плечу, и прежде чем он обернется, отбегаю обратно на безопасное расстояние.

— Что тебе еще нужно, человечка? Быстро выходи! Я теряю терпение!

Мне ничего не остается иного как мотать головой из стороны в сторону и показывать на покрывало, жестах пытаюсь передать, что в подобном одеянии я отсюда никуда не выйду.

— Все женщины одинаковы! Умрете, но лишь бы в красивом платье, а не в каком-нибудь тряпье! — больше не добавив не слова, дракон выходит из шатра, оставляя меня в легком недоумении. И что теперь? Он просто ушел? А как же я?

Проходит пара минут и он, к моему огромному облегчению возвращается обратно, прихватив с собой мой сверток с одеждой, что остался вчера в повозке. Никогда бы не подумала, что буду рада появлению моего врага.

— Быстро одевайся! У меня нет времени с тобой возиться! Сегодня не позднее вечера мы должны прибыть в ближайшее человеческое поселение. Жду снаружи, — дракон выходит прочь, я же как можно быстрее облачаюсь в простое домотканое платье серого цвета. Надеюсь, оно не пострадает ни от чьих действий, иначе дальше ходить мне придется в том злосчастном шелковом покрывале, которое я уже начинаю тихо ненавидеть.

Выхожу из шатра и прикрываю глаза от яркого слепящего солнца. Как приятно оказаться на свежем воздухе, после душного шатра. Осматриваюсь вокруг и вся радость от выхода на свет пропадает. Множество мужских глаз смотрит прямо на меня с плохо скрываемой ненавистью. Отвечаю им тем же.

— Будь осторожна, человечка. Ты не понимаешь этого, но мой шатер для тебя укрытие, а не тюрьма. Все эти мужчины ненавидят тебя потому, что я казнил тех солдат, что затащили тебя вчера в кусты. Я не мог поступить иначе. Ты моя собственность, никто не имеет права посягнуть на нее.

Даже не замечаю, что иду за моим пленителем практически след в след прямо его за широкой спиной. Неужели я хоть на каплю начинаю доверять одному из этих чудовищ? Немыслимо.

Когда мы наконец-то возвращаемся в шатер, низенький стол перед постелью уже накрыт на двоих. Снова сюда придет его брат и будет отпускать в мой адрес свои мерзкие шуточки?

— Садись за стол. Чтобы не быть невежественной во время трапезы, нужно уметь владеть не только ложкой, — Николас показывает мне на место напротив себя и садится за стол сам.

И что мне делать? Пытаться стоять на своем вчерашнем решении заморить себя голодом, или отведать эти воистину прекрасно пахнущие блюда? А как же попытка сбежать? Если я буду ослаблена несколькими днями отсутствия пищи, то никак не смогу исполнить задуманное.

Медленно опускаюсь напротив дракона за стол, готовая вскочить в любую минуту. На его практически постоянно хмуром лице на несколько секунд появляется едва заметная улыбка. Словно он рад этому моему маленькому шажку в его сторону.

К моему стыду, я не умею пользоваться всем тем разнообразием столовых приборов, что присутствует на этом столе. В нашем доме было все просто, а здесь столько приборов только у одной моей тарелки, сколько было ложек во всем нашем жилище! Дракон замечает мой растерянный взгляд и молча берет одну из вилок рядом со своей тарелкой, я же просто повторяю его движения. Так и проходит наш молчаливый урок. Без насмешек и унижений. Зачем ему это? Его брат был бы против, это точно.

— Попробуй это вино, оно восхитительно, — Николас берет кувшин и наполняет мой бокал наполовину рубиновой жидкостью, — только пить нужно мелкими глотками. Так принято в светском обществе.

Пробую предложенный напиток, как и было сказано, мелкими глотками. Необычное начало дня.

— Брат, чем это ты тут занимаешься? Учишь человечку светским манерам? Зачем? Неужели передумал следовать своему плану, — в шатер заходит Каир и снова упоминает про какой-то план и мою роль в нем. Ставлю недопитый бокал обратно на стол и вскакиваю со своего места, отбегая как можно дальше от мужчин.

— Какое твое дело? Со своими планами я как-нибудь сам разберусь! Зачем пришел? — Николас просто так излучает сейчас раздражение, но его брат не обращает на это ровным счетом никакого внимания.

— Хотел сообщить, что дозорные заметили неподалеку другой вооруженный отряд. Думаю, нам надо с ними встретиться. Как ты думаешь, что им здесь нужно?

— Не знаю. Объезжают границы, к примеру. А к чему ты клонишь? Что их послал наш отец, чтобы найти нас? Когда мы уезжали, в столице все было спокойно.

— Все может измениться в любую секунду, мой брат. Тебе ли не знать, какая может скрываться грязь в императорских кулуарах.

7

— Дай распоряжение солдатам, что пора собирать лагерь. Я скоро присоединюсь к тебе, — Николас наливает себе еще вина и взглядом дает понять своему брату, что разговор окончен.

Так значит, меня угораздило попасть в плен к одному из отпрысков самого драконьего императора. Того жестокого властителя, что приказывал уничтожать неудобные человеческие поселения в приграничье и продолжает это делать по сей день. И мой пленитель не лучше, как и его брат. Яблоко от яблони не далеко падает. В этом я уже давно убедилась.

— Чего ты там стоишь? Сядь за стол! И не смей больше вскакивать и убегать при каждом шорохе! Ты позоришь меня сейчас перед братом, а потом опозоришь и перед всеми остальными, — тяжелой рукой дракон резко отбрасывает бокал с вином в сторону. Рубиновая жидкость растекается по светлому шерстяному ковру сродни луже крови, но дракона это ни капли не заботит.

Решаю, что меньшим из зол будет все же возвращение за накрытый стол. Медленно и в то же время опасливо подхожу ближе, сажусь на прежнее место и первым делом беру бокал с вином. Оно прекрасно помогает бороться со страхами.

— Не переусердствуй, от него довольно ощутимо болит голова, — дракон вновь возвращает себе толику добродушия, что было потеряно с приходом его родственника, — нужно поторапливаться. Через час мы должны отбыть.

Молча заканчиваем трапезу, и Николас ведет меня за собой к выходу из шатра. В него уже заходит несколько солдат, чтобы начать собирать в походный обоз господские вещи.

— Поедешь со мной, чтобы не допустить повторения вчерашней истории, — Николас подводит меня к огромному черному коню, что уже нетерпеливо бьет копытом в ожидании полноценной возможности размять ноги, что сейчас сковывают пути.

— Эй, Друнас, дружище. Вот, держи! – дракон сует коню внушительный кусок хлеба, а также огромное яблоко. Рядом с этим конем мужчина выглядит совершенно другим. Спокойным и расслабленным. Будто только с ним он может позволить себе быть собой. Интересное наблюдение, вот только не буду судить о моем пленителе только по отношению к животине. Он может ласково относиться к коню, а потом.... приказывать сжигать людские поселения дотла. Это драконья суть.

Николас вскакивает в седло одним грациозным мощным движением. Невольно замечаю стальные налитые мышцы на его груди, что виднеется в прорези свободной рубахи. Он замечает мой взгляд и его губы растягиваются в хитрой усмешке.

— Нравится, то, что видишь, а?

Хорошо, что я ничего не могу ответить. Но мое тело говорит без слов. Покрываюсь жарким румянцем и опускаю глаза на уровень копыт его Друнаса, чем вызываю в нем смех.

— Давай руку, человечка! Может, этим вечером я позволю тебе не только полюбоваться, но еще и потрогать то, что ты так сильно желаешь, а сейчас пора отправляться в путь, — дракон протягивает мне руку ладонью вверх, но в глазах золотом горит предупреждение. Открытого протеста с моей стороны перед своими солдатами он не потерпит. Я буду наказана, так или иначе.

Мне ничего не остается иного, как повиноваться. Самодовольный негодяй! Он думает, что быть с ним это моя мечта?! Все, чего я желаю, чтобы эти нелюди покинули наши земли и прекратили уничтожать людей. Сжигать в пламени одних и уводить в плен других, делая своими бессловесными рабами, разлучая их с родными и близкими людьми.

Если бы я могла вскрикнуть, то даже не успела бы этого сделать. Дракон одним плавным молниеносным движением поднимает меня на своего коня и усаживает поперек седла впереди

себя. Хватаюсь за его рубашку, как за единственно доступную опору. Видимо ему доставляет удовольствие ставить меня в неловкое положение.

Неожиданно он пришпоривает своего коня и одновременно с этим отклоняется назад, с плутовским взглядом наблюдая за тем, как я пытаюсь удержаться в седле.

Даже вцепившись в рубашку, начинаю падать вниз прямо под огромные могучие копыта. В ужасе вместо мешковатого предмета одежды мне приходится в последний момент обхватить талию подлого дракона, плотно прижавшись к его горячему твердому телу.

— Теперь тебе еще и обниматься со мной захотелось? Так не терпится, да? – дракон прожигает меня горячим золотом глаз, в которых желание причудливо сливается с легкой насмешкой и даже... игривостью? Вот только играть с таким зверем нужно осторожно, а лучше не делать этого вовсе.

— Николас, лагерь собран. Можем выдвигаться в путь, — к нам на своем вороном коне приближается Каир и с ехидной усмешкой наблюдает за тем, как я пытаюсь удержаться в седле, не обнимая при этом своего пленителя, — решил поиграть с человечкой?

— А почему бы и нет? Она довольно занимательная, — мужчину рядом со мной словно подменили, теперь он излучает лишь холод и самодовольство, — у меня есть время поиграть с ней, пока мы в пути до столицы.

Я в растерянности. В одну минуту он может быть понимающим и снисходительным, позволяя мне вернуть свою одежду и обучая зачем-то светским нормам этикета, а в другую меняться до уровня чудовища, наказывая болезненными шлепками и обещая еще большие унижения, чем есть сейчас. Он действительно играет со мной и даже не скрывает, открыто признавая это при брате.

Выдвигаемся в путь. Иногда ловлю на себе взгляды солдат, полные презрения и даже ненависти. Они винят меня в смерти своих друзей, хотя я и не повинна в их чрезмерной похотливости. Когда же Николас бросает взгляд по сторонам, то все недовольные исчезают, словно по волшебству.

Не хочу признаваться даже самой себе в том, что рядом с этим двуличным нелюдем мне становится спокойно. Вот только это чувство спокойствия продлится исключительно до того момента, пока он сам не обратит свой гнев против меня.

Проходит несколько часов под палящим солнцем. Пейзаж вокруг настолько унылый, что даже взгляду зацепиться не за что. Иссушенные ветрами равнины сменяются жидкими кустарниками со скудной листвой. А еще я настолько устала от этого мерного покачивания в седле, что хочется закричать во все горло. Но, увы, мне это недоступно.

— Господин, впереди человеческое поселение, — один из выехавших ранее вперед солдат возвращается назад, чтобы доложить обстановку, — там отряд лорда Серкелема. Отбирают крепких девок для работы во дворце и публичных домах, а также мужиков для сбора урожая в полях империи.

Вот это то, что стоит всегда ожидать от этих мерзавцев. Резко отстраняюсь от дракона и застываю неподвижной статуей. Подобное происходило много лет назад и в нашем поселении. Только вот они не всех брали с собой.... Многие молодые девушки, поруганные и изломанные остались лежать там, где их бросили эти чудовища, прежде чем, обратившись в драконов, сжечь дома людей дотла.

— Лорд Саркелем тоже там?

— Да, он лично ищет прислугу для себя, — солдат при этих словах косится в мою сторону с неприязненным выражением лица, но быстро исправляется, возвращая себе бесстрастное выражение.

— Хорошо, можешь быть свободен, — командный голос дракона заставляет солдата ретироваться в ту же минуту. Николас машинально прижимает меня крепче к себе, даже не замечая моего состояния.

Дальше мы передвигаемся гораздо быстрее. Проходит не более часа, прежде чем впереди показываются соломенные крыши. Вот и дома этих несчастных, что подверглись нападению. Неужели они тоже будут сожжены, а люди уничтожены?

— Ваше Высочество, какой приятный сюрприз! Ваш отец так надеялся на нашу встречу и что я смогу передать его сыну послание, — нам навстречу на серебристо-серой лошади выезжает статный мужчина средних лет с холодными расчетливыми, прямо таки звериными глазами, — не желаете поискать себе рабынь? Здесь еще есть из чего выбрать, — тут он замечает меня и осматривает с ног до головы так, что хочется прикрыться, — я вижу, Вы уже нашли себе одну, но в этой деревне есть куда сочнее и симпатичней, чем эта.

— Мой отец устраивает вылазки, подобные Вашей, лорд Саркелем, практически каждый месяц. Неужели до сих пор он не насытился потоком человеческих рабынь?

— Ваш, отец, Ваше Высочество, всегда в поиске молодости, и самое главное, невинности. Он полагает, что это продлевает его дни. Так что кто мы такие, чтобы спорить с волей императора. Кто знает, может, мы и себе дни продлим, пока ищем для императора подходящих?

Какое же омерзительное чудовище я вижу перед собой! Хочется зажмуриться и понять, что это всего лишь сон. Вот только этот кошмар не собирается заканчиваться. Со стороны поселения слышны крики и смех солдат. Затыкаю уши и замуриваю глаза. Дракон прижимает меня лицом к своей горячей груди, словно отгораживая собой от ужасной действительности. Не знаю, чем продиктован его порыв, но впервые я ему действительно благодарна.

8

Мы въезжаем в разоренную драконьим отрядом деревню. Повсюду видны остатки кострищ. Несколько домов, что когда-то давали крышу над головой нескольким семьям, практически догорели. Вот оно истинное лицо этих чудовищ. Жечь и грабить, уводить женщин и сильных мужчин, что могут на них работать, в рабство — истинная драконья суть.

— Где Вы остановились, лорд Саркелем? Прямо в деревне? Или у Вас здесь где-то неподалеку разбит лагерь? — держащий меня за талию Николас лишь сильнее прижимает меня к своему горячему телу при этих словах, так как я наклоняюсь вниз, чтобы почесать ногу, и он замечает мои действия, — есть ли здесь какая возможность попасть в приличную мыльню?

Как же стыдно.... От меня, скорее всего, несет немытым телом за несколько дней пути так, что даже дракон не в силах выносить моего присутствия.

— Да, здесь есть добротная мыльня. Она в противоположном конце деревни. Одна из немногих, что уцелела. Просто мы здесь уже несколько дней, многие солдаты, перебрав к ночи хмельного, выпускают своего дракона наружу. А поселились мы прямо здесь. Заняли несколько самых больших домов.

— Так Вы, лорд, настолько не владеете азами дисциплины, что Ваши воины что хотят, то и творят? Так? Неудивительно, что о нас среди людей сложилось столь превратное мнение.

— Ваше Высочество, не хотите ли Вы сказать, что симпатизируете им? Ваш отец этому бы очень удивился. Хотя.... То, что Вы столь бережно прижимаете к себе эту грязную человеческую девку, говорит о том, у Вас и Вашего дракона к ней нешуточный интерес. Привязанность я бы даже сказал.

Любопытный и в то же время ледяной, пронизывающий взгляд лорда Саркелема медленно скользит по моему телу — и это ощущение буквально въедается в кожу, словно липкое, противное ощупывание, сродни прикосновению мерзкой жабы. Каждый волосок на теле встаёт дыбом, а по спине пробегает неприятный холодок. Но теперь, спустя столько дней плена, я наконец понимаю одну важную вещь: для него я — не просто очередная грязная человечка из бесчисленной череды подобных. В его глазах я обрела отдельную личность, неожиданно приглянувшуюся их принцу. Вот только чем? Этот вопрос остаётся для меня загадкой, упрямой и неразгаданной.

Уж точно не любовью с первого взгляда — там, у колодца, когда я впервые в жизни позволила себе плюнуть в лицо своему страху. В тот миг я даже не думала, что этот поступок каким-то образом отметит меня в глазах могущественного дракона.

— Эта девка не ваша забота, лорд, — голос Николаса звучит отстранённо, командно, но я отчётливо чувствую внутреннее напряжение, пульсирующее в каждой налитой недюжинной силой мышце. Он защищает меня? — Постарайтесь сделать так, чтобы оставшиеся в этом поселении люди не проклинали драконов до конца своих дней. Может, вы не осознаёте этого, но подобные вылазки лишь увеличивают число очагов сопротивления нашему правителю среди людей.

— Я понимаю вас, Ваше Величество, всё будет сделано в лучшем виде, — лорд изображает подобострастие перед сыном своего правителя, но я почему-то ощущаю подвох. Слишком уж загадочный и в то же время хитрый вид у этого дракона. В его прищуренных глазах таится что-то неуловимое, словно он уже держит в голове тщательно продуманный план. Жаль, что я не могу никому рассказать о своих подозрениях. С другой стороны, вряд ли пленивший меня дракон стал бы прислушиваться к бредням глупой человечки, основанным лишь на смутных предчувствиях и подкреплённым личной неприязнью.

Больше не говоря ни слова, Николас прищипоривает коня, и мы продолжаем путь по самой широкой улице полуразрушенного поселения. Воздух пропитан страхом и безнадёжностью —

они веют из каждого уцелевшего двора, коих здесь осталось совсем немного. В нескольких окнах мелькают испуганные лица, но люди тут же прячутся обратно, не желая привлекать к себе внимание. Как бы я хотела помочь им всем... но я не в силах спасти даже себя.

Внезапно в голову приходит леденящая мысль: а что, если так же может быть разрушена и наша деревня? Там остались мои родители и младшая сестрёнка. Если лорд со своим отрядом продолжит разорять поселения неподалёку, то... Нет, не хочу об этом даже думать! Мои родители уже стары и немощны, а вот сестрёнка Корниль — лакомый кусочек для этих нелюдей. От этой мысли внутри всё сжимается, и я невольно вцепляюсь пальцами в седло, пытаюсь унять дрожь.

Проехав через всё поселение, мы, к моему удивлению, не останавливаемся, а продолжаем путь вплоть до неглубокой речушки, огибающей невысокие холмы. Вода блестит на солнце, словно рассыпанные бриллианты, но в моём сердце нет ни капли радости.

— Разобьём лагерь здесь! — громко отдаёт приказ Николас, и солдаты тут же начинают размещать обозные телеги широким полукругом.

— Ник, ты действительно считаешь, что это хорошая идея — оставаться здесь на ночь? — к нам подъезжает брат моего пленителя, Каир. Он скептически осматривает место будущего лагеря, хмуря брови. — Этот лорд Саркелем — настолько скользкий тип, что я даже находиться рядом с ним не хочу.

— Каир, мы уже давно в пути. Солдаты устали. Им нужен не только отдых, но и мыло с мочалкой, понимаешь меня? Оно всем нам нужно, — тут Николас улыбается и легко встряхивает меня в седле. — Ты видишь, что стало с моей человечкой за несколько дней?

— Ой, да ладно, она и до этого чистотой не блистала... — Каир явно хочет поддеть своего брата. При этих словах он отъезжает на своей лошади подальше от нас, заметив, какой эффект производит его язвительное высказывание на Николаса. — Так я понимаю, что лорд Саркелем прав? Эта человечка стала важна для тебя?

— Я отвечу тебе так же, как и ему. Эта девка не твоя забота, — отрезает Николас. Отдав последние распоряжения по обустройству на ночлег, он везёт меня прочь от лагеря.

Куда мы едем? Зачем? Сердце начинает бешено стучать где-то в горле от страха, но вскоре я понимаю, что мы всего лишь подъезжаем к реке. Николас легко спешивается, а затем стягивает и меня из седла.

Его конь жадно пьёт воду, шумно втягивая её через губы. Как же мне хочется последовать его примеру! Оборачиваюсь на Николаса, но тот не обращает на меня ровным счётом никакого внимания. Всё же решаюсь: опускаюсь на колени и захватываю ладонями ледяную воду. Она обжигает кожу, но я не обращаю на это внимания. Омываю лицо и руки, прежде чем сделать несколько жадных глотков. Как же иногда мало нужно для счастья... Вот бы ещё оказаться дома, среди родных.

Проходит несколько минут, прежде чем я решаю подняться. Оборачиваюсь и встречаю задумчивый взгляд Николаса. Он осматривает меня с ног до головы — но не холодным и расчётливым взглядом, как лорд Саркелем, а скорее... жаждущим. Это напоминает мне то чувство, которое я испытывала в детстве, глядя на праздничное лакомство, до которого нельзя было дотянуться. Понимание этого вызывает во мне новую волну странной дрожи — но уже не от страха. Вовсе нет.

— Мне даже иногда жаль, что ты не можешь говорить, — произносит Николас, беря под уздцы своего коня и отводя его в сторону от речушки. — Хоть это и было главным аргументом в выборе твоей кандидатуры...

Он словно издевается надо мной своими недомолвками. «Скажи же, наконец, что тебе нужно от меня!» — мысленно кричу я, но, конечно, не могу произнести ни слова. Горло сжимает спазмом, а в груди разрастается горькое чувство бессилия. Николас замолкает, хватая

меня за руку и тянет следом за собой обратно в седло. Я молча подчиняюсь, а в голове крутится лишь одна мысль: когда же закончится эта мучительная неопределённость?

Молча, погружённые каждый в свои раздумья, мы возвращаемся в лагерь. Вечерний воздух пропитан запахом костров и свежей травы, где-то вдали перекликаются голоса солдат, но мне нет до них дела — всё моё внимание приковано к одной-единственной детали: посреди палаточного городка возвышается шатёр Николаса. Я узнаю его сразу — не только по размерам, превосходящим остальные, но и по вытканым на полотнище причудливым узорам, напоминающим переплетение виноградных лоз.

Мой пленитель, не произнеся ни слова, ловко стягивает меня с седла. Его хватка твёрдая, неумолимая — словно он заранее предугадывает любую попытку сопротивления. Не дав опомниться, он ведёт меня внутрь шатра. Тяжёлый полог опускается за нами, отсекая приглушённые звуки лагеря, и пространство наполняется тёплым светом масляных ламп.

— Готова отправиться в мыльню, а? — внезапно раздаётся его насмешливый голос. — Я готов потерять тебе спинку, человечка!

Николас заливается громким, раскатистым хохотом, одновременно выуживая из своей походной сумки какие-то баночки и склянки. Их стеклянные грани мерцают в свете ламп, отражая причудливые блики. Я застываю, словно окаменев, и лишь глаза — расширенные от шока и недоумения — выдают бурю, бушующую внутри.

Мысли мечутся в голове, натываясь на одну и ту же пугающую мысль: если ему взбредёт в голову, что я должна мыться при нём, то его ничто не остановит. В его взгляде, в интонациях, в самой манере держаться читается уверенность человека, привыкшего получать желаемое без оглядки на чужие чувства. Воздух будто сгущается от невысказанной угрозы, и я невольно сжимаюсь, пытаюсь отыскать хоть малейшую лазейку для отступления.

9

— Ну? Чего застыла? Выходи! — Николас легко разворачивает мою замершую фигуру к выходу и нетерпеливо подталкивает в спину. — Я твёрдо намерен сегодня смыть с себя дорожную грязь. И ты мне в этом поможешь!

От его последней фразы, брошенной будто невзначай, сердце начинает колотиться с утренней силой. Что же он имеет в виду? Предлагает мне мыть его? А может, потребует раздеться в его присутствии? Даже не зная до конца его намерений, я чувствую, как щёки заливают жаркий румянец.

Мысли вихрем проносятся в голове. Даже если всё именно так... Я всё равно не смогу ему ничего противопоставить. Почему я не попыталась сбежать ещё этой ночью? Всего несколько сотен шагов — и передо мной раскинулся бы лес. В его гуще можно было бы затеряться... Но тут же в сознании всплывает другая картина: одинокая девушка, окружённая дикими зверями. Нет, лес не стал бы моим спасением — он мог бы стать моей могилой.

Мы выходим из шатра. Я осторожно осматриваюсь по сторонам и вижу небольшие группы солдат, рассредоточенных по территории лагеря. То тут, то там до моих ушей доносятся смех, звон посуды, обрывки разговоров. Никто не обращает на меня внимания — в отличие от моего спутника. Каждый солдат, встречающийся на пути, склоняет голову в почтительном поклоне, некоторые опускаются на одно колено. Неужели Николас заметил, как смотрели на меня его подчинённые прежде, и принял меры? Даже если так, мне вряд ли суждено узнать об этом.

В целом лагерь выглядит так, как и полагается выглядеть военному становищу в вечерний час: суетливо, шумно, но упорядоченно. Люди заняты привычными делами — кто-то готовит еду, кто-то чинит снаряжение, кто-то просто отдыхает после долгого дня. Ничто не предвещает беды.

Мы продолжаем идти молча, пробираясь через оживлённый лагерь. Но вдруг воздух словно сгущается, наполняя меня необъяснимой тревогой. Я напрягаю слух и различаю за невысокими кустарниками чьи-то приглушённые всхлипывания. Звук едва уловим, но от этого не менее пронзителен.

До мыльни остаётся не более пятидесяти шагов, когда к нам подбегает один из солдат. Он вытягивается по струнке, застывает в почтительной позе и ждёт разрешения говорить. Его лицо бледное, глаза широко раскрыты — видно, что случилось нечто серьёзное. Я это знаю, чувствую нутром.

— Что случилось? В лагере какие-то проблемы? — голос Николаса звучит спокойно, но в нём явственно слышится сдерживаемое раздражение. — Я собираюсь принять ванну, а не решать мелкие проблемы своих подданных.

— Ваше Высочество, я полагаю, что Вы захотите это знать, — солдат запинается, видя нетерпение своего принца. — В лагере лорда Саркелема творятся бесчинства. Взятые в плен люди взбунтовались. Чтобы подавить бунт, солдаты лорда показательно сожгли нескольких мужчин в своём истинном драконьем облике, но это не помогло. Порядка дюжины сильных мужчин сбежало, укрывшись в соседних лесах.

— А пленённые человечки? Что с ними? — рык зарождается в глубине горла моего пленителя, но Николас всё ещё пытается держаться рассудительно.

— Многие из них уже мертвы, — голос солдата дрожит. — Лорд Саркелем лично отобрал для императора с десятков самых красивых рабынь, а остальных в назидание отдал на растерзание своим солдатам.

Солдат, принёсший эту страшную весть, и сам выглядит так, словно едва сдерживает слёзы. Я поднимаю взгляд на Николаса и бледнею от ужаса. В его глазах горит нечеловече-

ский огонь с золотыми всполохами, а черты лица заостряются, выдавая проступающую наружу личину дракона. Кожа словно натягивается, подчёркивая рельеф скул и линию челюсти, а зрачки сужаются до узких щелей.

— Лорд Саркелем слишком заигрался, — голос Николаса звучит глухо, почти шёпотом, но от этого он становится ещё более пугающим. — Он разрушает облик справедливой власти драконьего императорского дома в глазах людей! Эти беглые мужчины раструбят о наших бесчинствах по всем окрестным поселениям, и очагов восстания станет только больше.

Он даже не замечает, как до боли сжимает моё плечо. Я вздрагиваю от острой вспышки боли, и только тогда он осознаёт свою силу. Рука разжимается, оставляя на коже глубокий багровый след.

— Я не хотел... — в его голосе слышится искреннее раскаяние. — Но в секунды сильной ярости мои силы возрастают. Так что берегись меня в такие моменты.

Мимолётный взгляд, полный сожаления, согревает мою душу. В этот краткий миг я вижу в нём не властного принца-дракона, а человека, способного на сочувствие.

— Что прикажете, мой господин? Догнать беглых и уничтожить? Или вернуть их в лагерь? — солдат терпеливо ждёт приказа, но жду его и я. Что он решит? Убить или вновь пленить, наполняя каждый их день безнадёжностью? А может, проявит милосердие?

— Изловить всех до единого и привести в мой лагерь, — голос Николаса твёрд, а взгляд не оставляет сомнений: пощады от него эти несчастные мужчины не увидят.

Горькое разочарование наполняет меня. На что я, собственно говоря, надеялась? Что он, подобно благородному рыцарю, проявит сострадание и пощадит беглецов? Это не в драконьей сути — упускать свою добычу.

Вместо того чтобы продолжить путь в мыльню, Николас резко меняет планы. Он распоряжается немедленно привести его коня — и уже через пару минут уверенно восседает в седле, а затем одним мощным движением втаскивает меня следом за собой. Я едва успеваю схватиться за луку, чтобы не свалиться наземь.

— Я не оставляю тебя здесь без присмотра, — шепчет он мне на ухо, уловив мой немой, недоумённый взгляд. Его дыхание щекочет кожу, но в голосе — ни тени теплоты. — Вокруг стало как-то слишком беспокойно. Мытьё подождёт. Сначала нужно разобраться во всём этом безобразии.

Не дожидаясь ответа, он дёргает поводья, и конь срывается с места. Ветер бьёт в лицо, размывая очертания лагеря в пёструю мозаику из палаток, костров и мелькающих фигур. Мы мчимся галопом в сторону соседнего лагеря, и с каждым мгновением воздух становится тяжелее, пропитанный дымом, криками и запахом крови.

Когда мы, наконец, приближаемся к центральным кострам, мне приходится зажмурить глаза, чтобы не сойти с ума от увиденного. На земле, словно брошенные куклы, лежат несколько девушек. Их одежда разорвана в клочья, тела искривлены в неестественных позах. Ни движения, ни вдоха — только безжизненные взгляды, устремлённые в небо.

Неподалёку догорает огромный костёр. Запах горячей плоти проникает в ноздри, вызывая приступ тошноты. Это и есть те несчастные, кого эти нелюди сожгли живьём? Крик рвётся наружу, но не находит выхода — словно невидимые тиски сковали голосовые связки. В глазах — немой вопль, в душе — ледяная пустота.

— Ваше Высочество? — раздаётся вкрадчивый голос, и из полумрака выступает лорд Саркелем. Его конь плавно скользит по земле, а на лице — подлая улыбочка, будто он только что наслаждался изысканным угощением. — Кто посмел Вас потревожить? Можете не беспокоиться, бунт уже подавлен. Те, что смогли улизнуть, будут пойманы уже к утру.

Он бросает мимолётный взгляд на меня, и в его глазах вспыхивает нездоровый интерес.

— Я смотрю, свою рабыню Вы держите всегда при себе? Так хороша? Если она будет не нужна, то я всегда рад принять её, чтобы передать в работный дом.

Николас даже не поворачивает головы. Его голос — ледяной клинок, разрезающий воздух:

— Вы забываетесь, лорд. Мой отец в курсе, какими методами Вы добываете для него рабынь? И какой вклад вносите в разгорающееся всё сильнее сопротивление против нас?

Саркелем лишь ухмыляется, словно слышит детскую угрозу.

— Не беспокойтесь, Ваше Высочество. Император знает, чего стоит нам разыскивать для него свежих, нетронутых человечек. А сопутствующие жертвы... Он не считает их чем-то из ряда вон выходящим. Вы же... кажется, расстроены этим? Не стоит, мой господин. Дракон внутри каждого из нас желает этих жертв, не так ли?

Как у него выходит говорить столь почтительно и при этом открыто насмехаться над моим пленителем? Каждое слово — словно удар хлыста, замаскированный под вежливое обращение. Но видно, что слово принца в среде драконов мало что значит, пока он не станет полноправным правителем.

Николас сжимает поводья так, что костяшки пальцев белеют. Его голос звучит тихо, но в нём — гроза, готовая разразиться:

— Когда я стану императором вместо моего отца, то припомню Вам, лорд Саркелем, всё. И будьте уверены, что бессмысленных жертв при моём правлении не будет.

Саркелем наклоняет голову, но в его взгляде — ни капли раскаяния.

— Я понимаю Вас, Ваше Высочество. Но пока я подчиняюсь вашему отцу, да продлятся его дни. Не стоит угрожать мне. Если я скажу об этом нашему императору, то он может посчитать Вас слабым. Слабый дракон никогда не взойдёт на трон, будьте уверены.

Терпение Николааса лопается. Он резко разворачивается в седле, и в его глазах вспыхивает нечеловеческий огонь. Низкий угрожающий голос рвётся из груди, уже не скрывая его звериной сущности:

— Ты, ничтожество, считаешь меня слабым? — каждое слово, будто рычание, пропитанное яростью. — А может, это ты слаб? Единственное, на что способен, это воевать с людьми.

Николас молча разворачивает коня, и мы отправляемся обратно в лагерь. Наш путь лежит не в шатёр, а напрямик к мыльне. Судя по всему, принц не намерен отступать от своих планов — даже после того, что мы увидели в лагере лорда Саркелема. Его решимость кажется непоколебимой, словно каменная стена, которую не способны разрушить ни ужас, ни гнев, ни моральные терзания.

Мы подъезжаем к невысокому строению, сложенному из грубо обтёсанных брёвен. От мыльни поднимается густой пар, окутывая вход белёсой дымкой. Воздух здесь пропитан ароматами трав и горячей воды — резкий контраст с запахом гари и крови, преследовавшим нас совсем недавно.

— Входи, человечка! — голос Николааса звучит глухо, но в нём нет прежней насмешки. Он распахивает тяжёлую дверь, и меня мгновенно окутывает волна горячего влажного воздуха.

Я переступаю порог, и мир вокруг меняется. Шум лагеря остаётся снаружи, а здесь — лишь приглушённые звуки плещущейся воды, шипение пара и отдалённый треск горящих в печи поленьев. Помещение наполнено мягким, рассеянным светом, пробивающимся сквозь узкие окошки под крышей. В центре стоит огромная каменная ванна, от которой поднимается клубящийся пар. Рядом — корзины с травами, кувшины с маслами и грубые полотенца, аккуратно сложенные на лавке.

— Поможешь мне очиститься от дорожной пыли, — произносит Николаас, закрывая за собой дверь. Его голос звучит ровно, почти бесстрастно, но я чувствую: внутри него всё ещё бушует буря. Глаза по-прежнему горят нечеловеческим огнём, а пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки.

После всего, что мне довелось увидеть буквально несколько минут назад, я не уверена, что смогу выполнить его приказ. Перед глазами до сих пор стоят безжизненные тела девушек,

запах горячей плоти кажется вьевшимся в кожу, а в ушах эхом отдаются слова лорда Сарке-лема — его циничные рассуждения о «сопутствующих жертвах».

Но выбора нет. Принцу драконов не отказывают даже те, у кого есть голос. Я же лишена даже этого.

Делаю шаг вперёд, затем ещё один, пока не оказываюсь рядом с ванной. Беру кувшин с тёплой водой и начинаю осторожно поливать плечи Николаса. Вода стекает по его коже, смывая пыль и пот, но не способна смыть то, что осталось в его душе.

Он не смотрит на меня. Его взгляд устремлён куда-то вдаль, за пределы этой комнаты, за границы реальности. Возможно, он снова видит тех несчастных, сожжённых заживо, или размышляет о том, как остановить безумие, охватившее его народ. А может, в его сознании уже зреет план — план, который однажды превратит его из принца в императора.

Я продолжаю выполнять свою работу, стараясь не думать о том, что происходит вокруг. Каждое движение механично, каждое прикосновение осторожно, будто я боюсь разбудить зверя, дремлющего под его кожей.

10

— Не нужно смотреть на меня так, словно я самое худшее, что случилось в твоей жизни, — резко бросает Николас, снова подталкивая меня в спину, когда я, наконец, переступаю порог мыльни. Его голос звучит холодно, почти презрительно, а в глазах читается неприкрытое раздражение. — Иди в сторону моего шатра — и побыстрее!

Принц драконов буквально излучает нетерпение. Ему явно кажется, что я передвигаюсь чересчур медленно. Что ж, стоит хотя бы поблагодарить его за то, что он позволил мне помыться без своего присутствия. Стараюсь ускорить шаг, изо всех сил стараясь равняться на его широкие, уверенные движения. Каждый мой шаг отзывается лёгким трепетом в груди — я до сих пор не могу привыкнуть к этой странной, напряжённой близости с наследником драконьего рода.

Мы приближаемся к шатру. Николас резким движением отдёргивает полог и почти вталкивает меня внутрь. Я замираю на мгновение, ощущая, как воздух здесь, пропитанный ароматами благовоний и кожи, давит на плечи. Не знаю, как теперь вести себя с ним — каждое слово, каждый жест могут оказаться неверными. Осторожно отхожу в сторону и опускаюсь на цветные подушки, разбросанные в дальнем углу шатра. Они мягкие, но моё напряжение не позволяет расслабиться даже на миг.

В этот момент в шатёр входит один из солдат. Его поза строга, взгляд сосредоточен, а голос звучит чётко и отчётливо:

— Ваше Высочество, несколько мужчин уже пойманы. Что прикажете с ними делать? Вернуть лорду Саркелему или оставить в вашем распоряжении?

Николас резко оборачивается к солдату. При упоминании Саркелема его лицо искажается гневом — черты начинают меняться, частично трансформируясь в драконий облик. Чешуя проступает на скулах, глаза вспыхивают алым, а голос становится низким, почти рычащим:

— Лорду никого не передавать! — его слова звучат как удар хлыста. — Всех пойманных привязать к столбам в нашем лагере. Об их судьбе я распоряжусь позднее.

Солдат коротко кивает и, не произнеся больше ни слова, покидает шатёр. Тишина, оставшаяся после его ухода, кажется почти осязаемой. Я невольно сжимаюсь, чувствуя, как напряжение в воздухе становится почти невыносимым. Николас медленно поворачивается ко мне, и его взгляд, всё ещё пылающий гневом, заставляет меня задержать дыхание.

— Ты думаешь, я желаю расправиться с этими мужчинами лично? — его голос звучит глухо, почти шёпотом, но в нём сквозит стальная решимость. Он делает шаг ко мне, сокращая и без того ничтожное расстояние между нами. Его пальцы, холодные и твёрдые, словно отлитые из металла, обхватывают мой подбородок, заставляя поднять взгляд. — Размышляешь, отчего я не могу отпустить их на все четыре стороны, так? Ты должна понять одну простую, но непреложную вещь: никто — ни единая душа — не должен разнести по окрестным поселениям весть об этих зверствах, учинённых Саркелемом под покровительством самого императора. Никто! И ради этого я даже готов их уничтожить!

Одинокая слеза, словно капля расплавленного свинца, медленно стекает по моей щеке. Зачем он говорит мне всё это? Зачем пытается оправдаться перед пленницей, чья жизнь и судьба полностью в его руках? Разве драконьему принцу может быть дело до мнения простого человека?

Да зачем я вообще ему сдалась?! Этот вопрос снова и снова бьётся в моей голове, не давая покоя. Он держит меня при себе... Даже в мыльню водил. Заставляет спать рядом с собой, не переступая при этом черты дозволенного... Зачем? В его действиях нет логики, если не искать в них скрытый смысл. У него явно должен быть какой-то план в отношении меня. Но какой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.